

В. Н. ТОПОРОВ

**НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О БАЛТИЙСКИХ ГЛАГОЛАХ НА *-sta*
В СВЯЗИ С ПРОИСХОЖДЕНИЕМ ЭТОГО ФОРМАНТА
(ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА)**

В последние годы внимание многих исследователей было направлено на балтийские презентные основы с элементом *-st(a)*. Эти образования анализировались как в синхронном¹, так и в историческом² плане, в результате чего накопился обширный материал, позволивший сделать существенные обобщения о характере этого типа презентных основ. В настоящее время уместно вновь обратиться к вопросу о происхождении самого форманта *-st(a)*, тем более, что по этому поводу не только нет единогласия, но существует целый ряд конкурирующих точек зрения, часто совершенно противоположного характера.

Сложность в определении наиболее достоверного решения зависит, вероятно, от того, что на основании балтийских данных трудно или даже вовсе невозможно дать внутреннюю реконструкцию того блока глагольной системы, где получил оформление формант *-st(a)*. Когда же за помощью обращаются к индоевропейскому состоянию, то нередко обнаруживают картину, которая, как это ни парадоксально, хронологически является следующей за балтийским состоянием. Отсюда — многочисленные недоразумения, искажения относительно-хронологической перспективы и очевидное желание доказать не только вторичность, но и вообще позднее (недавнее) происхождение этого типа образования презентных основ. В этом отношении целесообразно выде-

¹ J. Otrębski, Gramatyka języka litewskiego, II, Nauka o budowie wyrazów, Warszawa, 1965, стр. 320—326; A. Senn, Handbuch der litauischen Sprache, Heidelberg, 1966, стр. 266—268; Lietuvių kalbos gramatika, II, Morfologija, Vilnius, 1971, стр. 226—228; Müsdienu latviešu literārās valodas gramatika, I, Fonētika un morfoloģija, Rīgā, 1959, стр. 673—675 и др.

² См. J. Kazlauskas, Lietuvių kalbos istorinė gramatika, Vilnius, 1968, стр. 316—336; J. Endzelīns, Latviešu valodas gramatika, Rīgā, 1951, стр. 751—763, — в том, что касается отдельных балтийских языков, и также: Chr. S. Stang, Das slavische und baltische Verbum, Oslo, 1942, стр. 131—138; его же, Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen, Oslo—Bergen—Tromsö, 1966, стр. 338—349; J. Endzelīns, Baltu valodu skaņas un formas, Rīgā, 1948, стр. 190—192; E. Fraenkel, Die baltischen Sprachen, Ihre Beziehungen zueinander und zu den indogermanischen Schwesteridiomen als Einführung in die baltische Sprachwissenschaft, Heidelberg, 1950, стр. 90 и след., — в том, что касается сравнительно-исторического анализа этих образований. Ср. также обращение к глаголам на *-st(a)* в работах по индоевропеистике — прежде всего: J. Kurtyłowicz, The Inflectional Categories of the Indo-European, Heidelberg, 1964, стр. 50—51; В. В. Иванов, Общееиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы (сравнительно-типологические очерки), М., 1965, стр. 154 и след.

лить старую точку зрения К. Ф. Йоханссона, который склонен был видеть в балтийском форманте *-sta* отражение старого суффикса 3-го лица медиально-го сигматического аориста *-s-to³*, и все остальные точки зрения, суть которых в утверждении вторичного и позднего происхождения этого типа⁴ (**-st-<*-sk-* или **-st-<*-t-t-* и под.).

Прежде чем перейти к вопросу о возможных источниках балтийского *-st(a)* в презентных основах, целесообразно ответить на два вопроса — что имеется в виду, когда говорят о вторичном и позднем происхождении этого типа, и каково место, занимаемое этим типом основ в системе балтийского глагольного слово- и формообразования.

О вторичности форманта *-st(a)* в балтийском можно говорить лишь в том смысле, что он, очевидно, состоит из элементов, которые могут появляться, сохраняя то или иное грамматическое или словообразовательное значение, и порознь, т. е. в несвязанном виде. Ср. глаголы на *-soti* типа *murksóti, vērsóti, snopsóti* и под., где *-s-* своим именным происхождением (ср. *murksà* и *mùrksa, vēpsà, snópsa* и под.) и непереходностью (обозначение состояния) перекликается с *-s-* в *īlgsta* или *sénsta* (ср. исходные именные типы *īlgas* и *sēnas* и непереходное значение соответствующих глаголов), с одной стороны, и глагольные образования с элементом *-t-* (ср. предикативные типы, например, *kárve pašerta* или *pēdos pàlikta*, или глаголы со значением моментального однократного действия на *-teléti*: *žvilgteléti⁵, čiùpteléti, báubteléti* и под.). Наличие пар корень + *teléti* и корень + *steléti* (т. е. *-t-<-st-*) при том, что в целом ряде случаев эти форманты выступают при одном и том же корне (ср. *dürteléti* и *dürsteléti* и под.), также может рассматриваться как аргумент в пользу выделения в *-st-* составных элементов.

Наконец, о вторичности и позднем происхождении типа на *-st(a)* нередко говорят, имея в виду экспансию этого типа среди глаголов, которые раньше передавали то же значение иными средствами⁶. Такое представление о вторичности неконструктивно, поскольку оно имеет в виду лишь данную совокупность фактов, а не все возможные случаи употребления рассматриваемого форманта. Иначе говоря, при таком подходе опровергается лишь факт нали-

³ См. K. F. Johansson, Eine analoge Neubildung der Verbalflexion im Altindischen und Baltisch-Slavischen, —KZ, Bd. 32, 1893, стр. 476; ср. также H. Hirt, Indogermanische Grammatik, Bd. IV, Heidelberg, 1928, стр. 236.

⁴ Обзор этих точек зрения см. в кн.: Chr. S. Stang, Das slavische und baltische Verbum, стр. 134 и след.; J. Kazlauskas, Op. cit., стр. 330 и след.

⁵ Ср. *žvilgteréti* в „Постилле“ Даукши (335, 44) и сходные образования в диалектах.

⁶ Ср. J. Kazlauskas, Op. cit., стр. 324—325: „Kad formantas *-sta*- šiuose veiksmažodžiuose yra vėlesnis, rodo ne tik dvilypė jų esamojo laiko formą daryba (infiksas ir *-sta-*), bet ir tai, kad neretai tie veiksmažodžiai vienose tarmėse turi formantą *-sta*, o kitose yra tik infiksiniai, plg. *glēžta* ir *gležna*; *gėsta* ir *geñsa, gėsa*;... *glýžta* ir *gliūža* ir kt. Néra abejonės, kad infiksinių lyties yra senesnės, o formantas *-sta* čia atsirado vėliau, jau išnykus infiksui *n*“ (с дальнейшими объяснениями). Ср. также Chr. S. Stang, Vergl. Gramm., S. 342: „Der Umstand, daß es (scil. das Suffix *-sta-*) als Supplement zum Nasalinfix auftritt, d. h. daß dessen Verbreitung vorwiegend nach der Gebräuchlichkeit bzw. nicht-Gebräuchlichkeit des Nasalfixes geregelt ist, deutet darauf, daß die Produktivität dieses Suffixes nicht besonders weit zurückreicht. In dieselbe Richtung deutet auch die Tatsache, daß *s* nach *r* und *k* nicht durch *š* vertreten ist: wir stehen also einer Expansion des Suffixes in der Form *-st-* gegenüber...“

чия *-st(a)* в определенном круге глаголов, но не опровергается сам факт употребления *-st(a)*. Более того, когда говорят, что *-st(a)* появляется лишь при утрате носового инфиксса или — это особенно важно — в глаголах, где в силу звуковой структуры корня носовой инфикс был невозможен, то игнорируется вопрос о том, каким образом передавалось данное значение глагольной основы при условии, что оно не могло передаваться инфиксом. Наконец, при рассмотрении вопроса о вторичности и позднем происхождении того или иного форманта применительно к таким уникальным архаичным языкам, как балтийские, следует помнить, что многие процессы, которые прекратили свое действие уже в эпоху древнейших памятников индоевропейских языков, еще продолжают свое действие в балтийских языках и захватывают новые слои фактов⁷. Подобно тому, как было бы неправомерным считать, что *-i* основы в литовском вторичны, поскольку этот способ долгое время продолжал оставаться продуктивным и захватывать своим действием целый ряд новых имен, — точно так же у нас нет оснований считать, что *-st(a)* вторично и возникло лишь в относительно позднее время. Нужно думать, что различие в интерпретации этих двух формантов объясняется тем, что основообразующее *-i* хорошо известно в самых разных индоевропейских языках, а *-st-(a)* признается исключительно балтийским образованием, из чего делается неправомерный вывод: балтийский, значит, послеиндоевропейский. Но об этом ниже. Как бы то ни было, но принимаемое здесь понимание вторичности никоим образом не должно препятствовать поиску индоевропейских соответствий данного форманта. При этом (и это также весьма существенно) под соответствиями нужно понимать не только случаи изофункционального (по отношению к балтийским фактам) употребления данного форманта, но и случаи, когда этот формант (или даже его составные части) выступают в других значениях и даже меняют ранг (корневое расширение, морфологический или словообразовательный элемент, составная часть его и т.д.). Все это, разумеется, действительно при условии, что можно построить сколь угодно длинную цепь реконструкций, которая позволяет соединить в конечном счете сопоставляемые форманты в разных индоевропейских языках.

Второй из вопросов, от решения которого многое зависит в проблеме происхождения *-st(a)*, состоит в определении места, занимаемого этим формантом в системе балтийских глагольных типов. В этой связи придется напомнить несколько более или менее известных фактов, придав некоторым из них более специальный акцент или введя их в несколько иной контекст.

Одним из достижений в индоевропеистике последних десятилетий следует считать признание того факта, что появление данного круга основообразующих формантов в презенсе при одном определенном корне не явля-

⁷ В частности, этим, конечно, объясняются многочисленные случаи сосуществования в ряде говоров основ на *-st-* с другими основами (ср. в верхнелатышских говорах: *l'ēipru* и *lēipstu* от *l'ipt'*, *t̄yuki* и *t̄yukstu* от *mikt*, *kl̄yūri* и *kl̄yūpst* от *klupt'* и т.д.) или наличие в ряде говоров основ на *-st-* в тех глаголах, которые в других говорах или в литературном языке оформляют презенс иными способами (ср. лтш. диал. *iztmiōkstu*, *smokstu*, *apsiōpst* и др. (Kalupē). См. M. Rudzīte, Latviešu dialektoloģija, Rīga, 1964, стр. 360; ср. отчасти K. Dravīņš, V. Rūķe, Verbalformen und undeklinierbare Redeteile der Mundart von Stenden, Lund, 1958, стр. 14—15.

ется случайностью; что это явление (существование основ) подчинено достаточно строгим (в принципе) закономерностям системного характера; и что, следовательно, из факта наличия данных формантов можно с большим или меньшим вероятием делать заключения о наличии других формантов, системно связанных с данными. То, что в разных индоевропейских языках выявлено довольно значительное количество глагольных корней, которые с помощью ряда формантов (*-n-*, *-s-*, *-sk-*, *-io-* и т. п.) образуют серии сходных презентных основ, нужно толковать как практическое доказательство реальности связей между разными типами презентных основ, во-первых, и возможности отнесения этих закономерностей к достаточно раннему времени, когда связи между разными частями индоевропейского языкового ареала еще продолжали действовать.

В этой связи следует со всей настойчивостью подчеркнуть исключительность тех отношений, в которых находятся в балтийских языках⁸ презентные основы на *-st(a)* и презентные основы с носовым инфиксом. Балтийские презентные основы на *-st(a)-* и с носовым инфиксом (*-n-*, *-m-*), восходя к весьма древним образованиям, получили в истории балтийских языков широкое развитие⁹. Приобретя целый ряд новых особенностей (в частности, содержательных), они, тем не менее, сохраняют некоторые весьма архаические черты, позволяющие (хотя бы в общем виде) реконструировать некоторые отношения древнейшего типа, например, те, что относятся к эпохе до формирования и актуализации временных противопоставлений. Эти два типа образования презенса находятся между собой в дополнительном распределении, из чего вытекают их общие черты, позволяющие на некоем более высоком уровне объединить эти два типа в один (на уровне грамматической семантики), и их различия в пределах уровня формальных признаков.

Из объединяющих эти два типа особенностей нужно прежде всего указать их интранзитивно-индоативное значение. Вместе с тем нет оснований считать именно эти два способа образования презентных основ (*-st(a)-* и носовой инфикс) исконным или исключительным средством для передачи этого значения, поскольку вне системы презенса это значение передается другими средствами. В этой связи уместно отметить и другую общую черту указанных двух типов образования презентных основ — оба они образуют претерит с элементом *-ā*, обычно связываемым именно с непереходностью (в отли-

⁸ Особенно показательны данные именно литовского языка, особенно тех его диалектов, где носовой инфикс не утрачивался, как, например, в латышском. Что касается прусских данных, то они слишком малочисленны для того, чтобы на их основе делать самостоятельные выводы (ср.: *wīrst*; *polinka*, *sindats* / *syndens*, ср. *poprestemmai* / *issprestun*).

⁹ Нужно заметить, что исключительная продуктивность презентного типа с носовым инфиксом в балтийских языках образует своего рода *pendant* к подобному же распространению основ на *-sta*. Как и в последнем случае, носовой инфикс появляется у значительного числа литовских глагольных корней при том, что соответствующие корни в других индоевропейских языках (даже тех, которые, как древнеиндийский, хеттский, тохарский, хорошо сохранили этот тип презентных основ) не знают инфиксального образования основ настоящего времени. Факт экспансии основ с носовым инфиксом в литовском тем более удивителен, что в славянском он очень редок (*sędō*, *lęga*, *błdō*, ср. *ręsti* с переходным значением), а в германском вообще представлен одним примером (ср. готск. *standan-stob*).

чие от *-ē*, имеющего отношение к переходности)¹⁰; исключения минимальны и поддаются объяснению¹¹. Третья черта, о которой стоит здесь упомянуть, — общий (в целом) набор фонем, завершающих корень, к которому присоединяется *-st(a)* или в который инкорпорируется носовой инфикс. Впрочем, здесь намечаются и расхождения, причиной которых следует считать фонетические явления. Ср., с одной стороны, по крайней мере двузначные случаи типа *gel-sta* (но: *gelto*), *niřsta* (но: *niřto*), *výsta* (но: *výto*), *výsta* (но: *výdo*), *žýsta* (но: *žýdo*), *skýsta* (но: *skýdo*) и под. и, с другой стороны, случаи типа *džiūva*, *lýja*, *drýska*, *týška*, *dňna* и под., где предполагается носовой инфикс¹².

Однако с точки зрения задач реконструкции важнее различия, существующие между основами на *-st(a)* и на носовой инфикс. Среди этих различий существенно указать на присутствие интонационных противопоставлений в основах на *-st(a)* в корне, ср. *ě* : *ě* (*dréksta*, *pléksta*, но: *šélsta*); *ó* : *ð* (*nóksta*, *slópsta*, *sprógsta*, но: *blögsta*, *lõbst*); *ú* : *ü* (*džiústa*, *rúgsta*, *slágsta*, *trúksta*, но: *dúksta*, *rúksta*); *y* : *ÿ* (*dýksta*, *klýsta*, но: *dýksta*, *klýpsta*, *krýpsta*, *nýksta*, *pýksta*, *výksta*); *il* : *îl* (*ilgsta*, *tvílksta*, но: *silpsta*, *smílksta*); *ir* : *iř* (*tvírksta*, но: *mírksta*, *siřpsta*, *tiřpsta*); *in* : *iň* (*brínksta*, *stíngsta*, *tíinsta*, *tvíinsta*, *pažlsta* : *pažinti*, но: *diňgssta*, *liňksta*, *spriňgsta*, *tviňksta*); *im* : *îm* (*kímsta*, *rímsta*, но: *giňsta*, *kliňpsta*); *ul* : *ûl* (*smûlksta*, но: *stuľbsta*); *ál* : *al* (*álksta*, но: *alpsta*). В презентных основах, образуемых носовым инфиксом, интонационные различия отсутствуют и всюду выступает циркумфлекс: *aňka*, *teňka*, *kriňta*, *juňka*; *taňpa*, *leňpa*, *liňpa*, *kluňpa*; *bâla*, *skâra*, *glêra*, *kýla*, *býra*, *skýla*, *svýra*, *gûra*; *drýska*, *mýzga*, *týška* и т. д.

Это отношение свободы — несвободы интонации в презенсе, существующее в основах на *-st(a)* и в основах на носовой инфикс и разделяющее их, принимает иной вид применительно к другим звеньям глагольной системы. Основы на *-st(a)* характеризуются одинаковой интонацией у данного глагола и в презенсе, и в претерите, и в инфинитиве (ср. *álksta*, *álko*, *álkti*; *alpsta*, *alpo*, *alpti*; *kímsta*, *kímo*, *kímti* и т. п.)¹³. Основы с новым инфиксом, как бы компенсируя отсутствие выбора интонационных моделей в презенсе, соотносятся с такими претеритными и инфинитивными основами, где интонация, как правило, иная (по крайней мере в одной из этих основ), нежели в презенсе. Ср. презенс — претерит, но инфинитив: *raňda*, *râdo*, но *râsti*; *seňka*,

¹⁰ Cm. Chr. S. Stang, Das slavische und baltische Verbum, стр. 98, 189; P. Arumaa, Von der Eigenart des Ablauts und der Diathese im Baltischen, — ZfslPh, Bd. 26, 1957, стр. 118—149.

¹¹ Cp.: „*sta*-kamieniai veiksmažodžiai būtajame laike visada turi taip pat kamenčių *-ā*, išskyruis *gimsta*, *gimé* ir *miršta*, *miré*. Tačiau veiksmažodis *gimsta* kameną *-sta* gavo neseniai, plg. *gémā*: *gimé*, o *ě*-kamienė būtojo laiko forma *miré*, matyt, atsirado tada, kai būtojo laiko *ě*-kamienas nustojo buvęs tranzityvumo rodikliu“. См. J. Kazlauskas, Op. cit., стр. 319. Интересно, что *miršta* образует исключение и в отношении перехода *s* в *š* после *r*, о чем см. Chr. S. Stang, Vergl. Gramm., стр. 342—343. Однако возможно и совсем иное решение (*-š-* в *miršta* из *-sk'*), см. J. Endzelin, Über den slavisch-baltischen Reflex von idg. *sk'*, — ZfslPh, Bd. 16, 1939, стр. 114; J. Kazlauskas, Op. cit., стр. 330.

¹² Ср. также: *bâla*, *biňra*, *glêma*, *kiňža*, *blžga* и т. д.

¹³ Исключения редки и объяснимы, ср. *sénsta*, *sěno*, *sénti*; *témsta*, *těmo*, *témti*. В латышских основах на *-st-* та же картина, ср. *tírpstu*, *tírpu*, *tírpt*; *klístu*, *klídu*, *klíst*; *tùlstu*, *tùlzu*, *tùlzt*; *rágstu*, *rágū*, *rág̊t* и т. д.

sēko, но *sēkti*; *slāmpa*, *slāpo*, но *slāpti*; *stēmba*, *stēbo* но *stēbti*; *sāla*, *sālo*, но *sālti*; *gvēra*, *gvēro*, но *gvērti* и т.д.; презенс, но претерит – инфинитив (при корневом *-in-*, *-un-*, *-im-*, *-um-*, *-y-*, *-ū-*): *kiñta*, но *kīto*, *kīsti*; *buñka*, но *būko*, *būkti*; *kiñba*, но *kībo*, *kībti*; *grūmba*, но *grūbo*, *grūbti*; *dýla*, но *dilo*, *dilti*; *žiñra*, но *žiùro*, *žiùrti*; *rýzga*, но *rízgo*, *rígzti* и т.п.

Еще одно различие, с которым так или иначе соотнесены уже указанные, состоит в том, что круг корневых гласных у презентных основ на *-st(a)* более широк (практически неограничен), чем у основ с носовым инфиксом, где явно преобладают *-i-* и *-u-* (*driñka*, *kiñta*, *kriñka*, *kiñta*, *miñga*, *miñta*, *driñba*, *kiñba*, *liñpa*, *stiñpa*, *šiñpa*; *juñta*, *kruñta*, *pluñka*, *puñta*, *siuñta*, *buñka*, *guñda*, *šuñta*, *truñka*, *čiñtpa*, *dumña*, *grumña*, *kluñpa*, *skumña* и т.д.)¹⁴ и гораздо реже и, может быть, вторично выступают *-a-* и *-e-* (*añka*, *kañka*, *rañda*, *slámpa*, *tañpa*, *bäla*, *säla*, *skära*, *šäla*; *geñda*, *señka*, *smeñga*, *teñka*, *gleñba*, *kneñba*, *leñpa*, *skreñba*, *šeñpa*, *glëra*, *gvëra*)¹⁵.

Эти различия в устройстве вокалического центра и интонационной парадигмы между глаголами, образующими презенс на *-st(a)-*, и глаголами, образующими презенс с помощью носового инфиксса, показательны прежде всего именно в том отношении, что они свидетельствуют о старой изофункциональности этих типов и о формальной (для определенного периода) противопоставленности их. Только в пределах этих двух классов, взятых в совокупности, осуществляются возможности, свойственные целому (все виды корневого вокализма, все типы интонационных схем – как внутри презенса, так и внутри всей совокупности глагольных основ). Учитывая эти особенности, можно высказать предположение о том, какие типы и в каком отношении являются ведущими (т. е. способствующими максимальному различию возможностей)¹⁶. Но сейчас и здесь важнее подчеркнуть, что и общие элементы и различия, существующие между типом на *-st(a)* и типом с носовым инфиксом, свидетельствуют неопровержимо о теснейшей связи – актуальной и исторической – между этими двумя типами презентных основ, об их столь развитой скоррелированности, сбалансированности, которая во многих случаях приближается к уровню дополнительного распределения и, главное, целиком исключает возможность предположения о случайном и совсем недавнем характере этой соотнесенности. Наличие возможностей разного оформления презентных основ по диалектам (ср. *glëžta*, основа на *-st(a)* : *gleñža*, основа с инфиксом; *gësta* : *geñsa*, *kiñžta* : *kiuñža*, *gniñžta* : *gniuñža*, *düžta* :

¹⁴ Ср. лтш. *tírpstu*, *gíbstu*, *atžílbstu*, *vístu*, *atbilstu*, *klístu*, *svístu*, *nístu*, *škístu*, *líkstu*, *mírkstu*, *níkstu*, *slikstu*, *tvíkstu*, *dígstu*, *ligstu*, *sírgstu*, *atspírgstu*, *stíngstu*, *bírstu*, *írstu*, *mírstu*, *sílstu*, *svílstu*, *dílstu*, *pazístu*, *grímstu*, *rimstu*, *dzímstu*, *bístos*, *|dzíst*; *skurbstu*, *stulbstu*, *plústu*, *trükstu*, *tükstu*, *küstu*, *lüstu*, *skumstu*, *grüstu*, *klüstu*, *püstu*, *žüstu* и под.

¹⁵ Ср. лтш. *pampstu*, *slápstu*, *skábstu*, *kalstu*, *alkstu*, *sprágstu*, *várgstu*, *salstu* и т. д.

¹⁶ В частности, экспансия основ на *-st(a)* в презенсе может объясняться именно тем, что они открывают максимальные возможности для глаголов с самыми различными видами корневого вокализма и интонаций, чтобы включиться в презентную систему (что, впрочем, не исключает возможностей выражения других противопоставлений, например, непереходности – переходности в зависимости от ступени гласного в корне, ср.: лит. *dýgsta*: *diegia*, лтш. *dígstu* : *diédu* и т.п.). Глаголы, приобретающие в презенсе носовой инфикс, напротив, оказываются наиболее пригодными для различия глагольных основ (в частности, временных) средствами интонации.

*duñža, prū̄sta : pruñsa, gniñ̄sta : gniñ̄sa, dū̄sta : duñ̄sa, čyžta : čiñ̄ža, šq̄šta : šañ̄ša, sū̄sta : suñ̄sa, dv̄ysta : dviñ̄sa, gŷžta : giñ̄ža, glŷžta : gliñ̄ža и др.)¹⁷, строго говоря, предполагает не только диахроническую смежность инфиксa *-n-* / *-m-* с основообразующими *-st(a)* типа (*dū̄sti*) *du-ñ̄-s(a)*: **dū̄s-sta*, но и синхроническую совместную встречаемость этих формантов типа **du-n-s-+sta* > *dū̄sta*, неизбежную для всех основ с инфиксом, приобретающих формант *-st(a)*. Более того, формы типа *dū̄sta* или *grŷsta* < **grî̄s-sta* < **grî̄ns-sta*, несомненно, в течение начального периода их оформления должны восприниматься не как простые основы на *-sta* : *dus-sta* или *grî̄s-sta*, а именно как презентные основы *à deux termes* — *-n* и *-st(a)*, тем более, что *й* и *ў* в корне этих глаголов (как, впрочем, и в других аналогичных случаях) являются архионемами, в которых нейтрализуются соответственно *й* и *ип* (*im*), *у* и *in* (*im*).*

Учитывая столь тесную и давнюю связь основ с носовым инфиксом и основ на *-st(a)*, не говоря уже о данных других древних индоевропейских языков, приходится признать спорным объяснение генезиса *-st(a)*, данное недавно Ю. Курловичем¹⁸, поскольку оно не учитывает связи этих двух типов основ. Было бы в высшей степени странным, если бы балтийская картина, предлагающая связь основ на *-st(a)* и основ с носовым инфиксом, лишь случайно имитировала индоевропейское состояние. Зато Ю. Курлович несомненно прав, когда он намечает общие принципы возникновения и распространения формантов с учетом отношений между первичной и вторичной семантической функциями. Особенно существенно, что из этой схемы вытекает принципиальная подвижность семантических значений у данного фонетического комплекса — от нулевого до словообразовательных и формообразовательных значений. В разных индоевропейских языках, в том числе и в балтийских, элемент *-s-* как раз и фиксирует разные семантико-грамматические ранги и переходы из одного ранга в другой. Кстати говоря, этим переходам способствовала та архаичная система флексий в спряжении, которая становится все более ясной в результате последних исследований (ср. бесфлективное 3-е лицо глагола, неразличение флексий 2-го и 3-го лица в спряжении, связь флексий спряжения 2-й серии (хеттск. *-hi*) с медиопассивом и перфектом, вскрытие широкого слоя инъюнктивных образований и т. п.).

¹⁷ См. J. Kazlauskas, Op. cit., стр. 324—325. Латышские примеры такого типа см.: J. Endzelīns, Latviešu valodas gramatika, стр. 762—763.

¹⁸ См. J. Kuryłowicz, Op. cit., стр. 50—51. Источником данного форманта признаются причастные формы на *-tas* от глаголов с исходом корня *-d*, *-t*, *-s*, *-š*, *-ż* (-*sk*, -*skt*). Эти формы дают повод для возможности двойкой трактовки, например, *viřstas* = 1. *virt-tas* (первичная форма) или 2. *virt-stas* (вторичная форма). Ср. далее (стр. 51): "This possibility is exploited if the respective verb shows a double function, e. g. if, fundamentally transitive, it has in certain contexts an intransitive value or if it is a verb of state with a secondary durative function. Thus a participle like *viřstas* having the primary passive meaning "which has been turned over" and a secondary intransitive meaning „which has turned (over)" can be split into *virt-tas* (primary semantic function) and *viřt-stas* (secondary function). Purely virtual in the participle and in the infinitive in *-ti*, the split is actualized in the corresponding present tense: *viřt-t-tas*: *viřt-st-as* = *vert'ù*: *virt-st-ù*. According to § 36 we get the subtraction of *-t-* in *virt-t-(as)* entailing the restitution of the full grade *vert'* since the zero-grade of the root is only a corollary of the addition of *-tas*, hence participle *vert'-*: *virt-st-* = presence *vert'-*: *virt-st-* representing a correct proportion..." и т. д.

В связи с дополнительным отношением *-n-/m-*: *-st-* в балтийских презентных основах напрашивается ряд параллелей и аналогий. Помня, что балтийские, славянские и германские языки из трех типов индоевропейского презенса с носовым формантом (1. **linekw-*: **linkw-*, 2. **k'ln̥eu-*: **k'ln̥u-*, 3. **kʷrineH₂-*: **kʷrinə₂*) усвоили лишь какой-то один тип (балтийские – первый, славянские – второй, германские – третий), сохранив за ним общее значение интранзитивности, приходится заключить об известной правомерности сравнения балтийского инфиксального и славянского суффиксального типов презентных основ с элементом *-n-*. В таком случае весьма показательно, что первоначально праславянские основы на *-ne-* (**dvignōti*, **dvigneši*) образовывали исключительно асигматический аорист (**dvigō*), что, например, и засвидетельствовано в старославянских памятниках. Таким образом, для известного периода реконструируется следующая схема распределения форм в аористе: презентные основы с носовым (*-n-*) суффиксом → асигматический аорист; презентные основы без носового суффикса (хотя и не все) → сигматический аорист, т.е. **dvigneši* – **dvigō*, но **znaješi* – **znaхō*. Учитывая стадию, когда из инъюнктива стали выделяться особым образом оформленные основы, можно и для праславянского наметить сосуществование и сбалансированность этих же двух типов – с *-n-* и с *-s-*. Характерно, что и в славянских языках приходится считаться с экспансией сигматического типа, ср. поздние формы сигматического образования аориста от глаголов с *-n-* в презенсе *dvigoхō* при старом *dvigō*. Более того, как и в литовских формах, приходится констатировать совместную встречаемость носового элемента и *-s-* (*-x*, *-j-*) в пределах одной словоформы в сигматических аористах от презентных основ на носовой типа: КОСНЖХЪ, ПО-МЬНЖХЪ, ОУСЬКНЖХЪ и под.¹⁹ (т. е. в конечной перспективе **-sěk-non-s-*). Эти аналогии, конечно, делают еще более правдоподобным предположение о связи *-s-* в балтийских презентных основах с показателем славянского аориста и подводят к гипотезе о связи *-t-* в *-st-* в балтийских формах с *-t-* в аористических формах 2-го и 3-го лица ед. числа типа *pitō*, *jetō*, а может быть и *dastō*, если не видеть здесь удвоения. Поскольку в последнее время все более утверждается взгляд на эту форму как простую (**da-stō*), то ее уместно сравнить с прусск. *dāst*, ст.-лит. *dūosti*, как и рядом других образований, ср. хеттск. *daš* (2-е–3-е лицо ед. ч. претерита *hi*-спряжения), алб. *dhashë* (1-е лицо ед. ч. аориста, 'я дал'), венет. *dona.s.to* и под.²⁰ Уже из приведенных выше примеров можно видеть, что *-s-* появляется то как показатель презентных основ, то как показатель аориста, то как флексия (или часть ее) лица в глагольном спряжении. С этой „подвижностью“ *-s-*, конечно, нельзя не считаться при решении вопроса о его происхождении.

Оставляя в стороне дальнейшие рассуждения о славянском аористе, уместно лишь напомнить, что распределение его форм было обусловлено

¹⁹ См. Н. Ван-Вейк, История старославянского языка, М., 1957, стр. 342–345.

²⁰ См. B. Rosenkranz, Historische Laut- und Formenlehre des Altbulgarischen, Heidelberg, 1955, стр. 129; В. В. Иванов, Указ. соч., стр. 82; его же, Отражение двух серий индоевропейских глагольных форм в праславянском, – „Славянское языкознание“, М., 1968, стр. 257; В. Н. Топоров, К вопросу об эволюции славянского и балтийского глагола, – ВСЯз, 5, 1961, стр. 69.

не только типом основ, но и акцентной парадигмой глагола. Ср. акцентно-морфологическое правило, существовавшее еще до появления письменных памятников старославянского языка и объяснявшее распределение аористических форм²¹: непроизводные баритонированные глаголы с равносложными основами образовывали простой аорист, если основа оканчивалась на согласный, и сигматически-корневой аорист, если основа оканчивалась на гласный или сонант. Непроизводные окситонированные глаголы того же типа образовывали сигматический аорист типа ВъСЬ – ВЄДЄ, если основа оканчивалась на согласный, и сигматическо-дентальный аорист, если основа оканчивалась на гласный или сонант (см. В. А. Дыбо, Указ. соч., стр. 37–38). Отсюда: *pit̥*, но *bi* или *id̥*, но *vēs̥* и под.

Если в балтийском и славянском глаголе элементы *-n-* и *-s-* конкурируют друг с другом, лишь изредка выступая одновременно в одной и той же форме (причем или такие образования имеют неустойчивый, промежуточный характер, или они предполагают забвение прежних значений у сочетающихся элементов), то некоторые другие индоевропейские языки развили регулярные образования, характеризующиеся сочетанием носового и сигматического элементов.

Прежде всего здесь должны быть отмечены тохарские А глаголы VIII класса и тохарские В глаголы X класса, которым свойственны (соответственно) суффиксы *-nās-*, *-nās-* и *nāsk-*, *-nāsk-*. Ср. тох. А *yär-* ‘купаться’ – *yärnässi* (Inf.), *wäl-* ‘умирать’ – *wällästär* (< *wäl-näṣ-tär) и т. д.; тох. В *yäp-* ‘ходить’ – *yänmaskau* (< *yäp-naskāu), *päk-* ‘намереваться’ – *päknäṣ-tär*, *käm-* ‘приходить’ – *känmaṣṣām* (nm < mn), *täm-* ‘рождаться’ – *tänmastär* (nm < mn) и т. д., не говоря о ряде глаголов с исходом корня на *-n*: *klin-* ‘долженствовать’ – *klinäṣṣām*, *aun-* ‘начинать’ (в med.) – *aunastär*, *pin-* ‘дуть’ – *pinasle* (Ger. I), *rin-* ‘оставлять’ – *rinastär*, *sain-* ‘защищаться’ – *sainaskentär* и т. п.²². Членимость этого тохарского форманта *-nās-* (-*nās-*), *-nāsk-* (-*nāsk-*) обеспечивается наличием ряда презентных основ, которые характеризуются лишь одним из двух указанных формантов или эти форманты входят в иные сочетания. Достаточно напомнить такие, например, классы, как тох. В VIII (-*s-* : -*ṣ-*): *er-* : *erṣām*, *aip-* : *aiypsem*, *käl-* : *kälsäm*, *kau-* : *kauṣām* и т. п.; IX (-*sk-* : -*ṣṣ-*): *yām-* : *yamaskau*, *we-* : *weskau*, *ai-* : *aiskau* и т. п.; XI (-*s...sk-* : -*s...ṣṣ-*): *auk-* : *auksäṣṣām*, *tu(twā)-* : *twāṣṣām* и т. п. (смещение классов VIII и IX), с одной стороны, и классы VII (носовой инфикс) : *kätk-* : *kättankäm*, *pik-* : *piṅkam* и т. п.; VI (-*nā-*) : *ālp-* : *alpanām*, *rap-* : *rapanaṁ* и т. п.; XII (-*ññ-*) : *käsk-* : *käskāññitär*, *klänts-* : *kläntsāññi* и т. п., с другой стороны. В свете этих отношений формирование класса X в тохарском В (и класса VIII в тохарском А) получает исчерпывающее объяснение.

²¹ Это правило сформулировано В. А. Дыбо, см. его статью: Ударение славянского глагола и формы старославянского аориста, – „Краткие Сообщения Института Славяноведения“, вып. 30, М., 1961, стр. 33–38.

²² См. W. Krause, Westtocharische Grammatik, Bd. 1, Das Verbum, Heidelberg, 1952, стр. 96 и след.; W. Krause, W. Thomas, Tocharisches Elementarbuch, Bd. 1, Grammatik, Heidelberg, 1960, стр. 214; E. Sieg, E. Siegling, W. Schulze, Tocharische Grammatik, Berlin, 1931, стр. 357 и след.

Из относящихся сюда анатолийских фактов²³ следует прежде всего отметить хеттские глаголы, у которых презентная основа образуется сочетанием суффикса с носовым элементом и суффикса *-šk-* (-*šš-*), первый из которых имеет обычно каузативное, а второй – итеративное значение. Ср. *arnušk-* ‘повторно приносить’ при *ar-* ‘пребывать’, ‘достигать’ и *arnu-* ‘приносить’, ‘доставлять’; ср. также: *huiš-ni-šk-* и под. или глаголы на *-nešk-* (лувийские на *-nešš-*): ср. хеттск. *ti-ja-ni-eš-ni-mi* при лув. *ti-ja-ni-eš-šu-i*, ср. хеттск. *tešhannešk-* и под. Особый интерес представляют случаи, когда *-šk-* присоединяется к презентной основе с носовым инфиксом; ср. *harninkišk-* ‘неоднократно губить’ при *harnink-* ‘погубить’ и *hark-* ‘погибнуть’. Как и в тохарских языках, рассматривая в хеттском образования со сложным формантом из носового и *-š(k)-*, следует помнить и о других типах презентных основ (*-annāi*, *-ni-*, *-nin-*; *-eš-*, ср. отыменные глаголы типа *parkueš-* ‘очиститься’ при *parkui-* ‘чистый’, *šalleš-* ‘увеличиться’ при *šalli-* ‘большой’ и под.). Последовательность *-n-s-* предполагается с основанием и в лувийском *e-n-s* ‘ставить’, ‘посвящать’. Анатолийские факты и, конечно, хеттские в первую очередь, весьма показательны, в частности, в том отношении, что экспансия суффикса *-šk-* засвидетельствована уже на глазах письменной истории хеттского языка и связана с вытеснением суффикса **-šša-* (из **-so-*). Поэтому не исключена реконструкция старых презентных основ с формантом, сочетающим носовой элемент с *-š-* (а не *-šk-*). Однако специализация суффикса *-šk-* в хеттском (прежде всего для выражения итеративности) и его универсализация (возможность присоединения к любой глагольной основе) несколько снижают эвристическую ценность этого образования для реконструкции первоначального круга случаев, в которых употреблялся сложный формант этого типа. То же с известными основаниями можно сказать о древнегреческих глаголах типа *ἀλυσκάνω* ‘избегать’, ‘спасаться’ (уже у Гомера и Гесиода), при *ἀλύω* ‘быть в смятении’, ‘метаться’, *ἀλύσσω* (у Гомера) или о более старых образованиях типа *αὐξάνω* ‘увеличивать’, ‘вырастать’ и под. при *αὔξω* ‘выращивать’ и т. д., где порядок элементов инвертирован по сравнению с до сих пор рассмотренными примерами. Тот же инвертированный порядок наблюдается и в армянских глаголах типа *harç-an-em* ‘спрашиваю’ (вместо ожидаемого *harçem*), где обнаруживается исходная последовательность **-sk'- + *-n-* (ср. др.-инд. *prucchāmi*, лат. *poscō*). Однако в связи с армянскими данными важно подчеркнуть следующие две особенности – медиальное значение элемента *-n-* в презентных основах (ср. *melkel* ‘ослабить’ [активный] – *melkanal* ‘ослабнуть’ [медиальный]²⁴) и формирование аористического показателя *ç* (ср. *sireaç* от *sirem* ‘я люблю’ или *gorceaç* от *gorcem*

²³ О них подробнее см. И. Фридрих, Краткая грамматика хеттского языка, М., 1952, стр. 82 и след.; G. Bechtel, Hittite Verbs in *-sk-*, Ann Arbor, 1936; В. В. Иванов, Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы, стр. 139 и след., особенно стр. 147–148. О соотношении носового форманта и форманта **-sk'* в индоевропейских языках см. W. Couvreur, Les dérivés verbaux en *-ske/o-* du hittite et du tokharien, – „Revue des études indoeuropéennes“, t. 1, fasc. 1, 1938; см. также C. Watkins, Indogermanische Grammatik, Bd. III: Formenlehre, Heidelberg, 1969, стр. 70 и след.

²⁴ См. Э. Г. Туманян, Древнеармянский язык, М., 1971, стр. 334–335; А. А. Абрамян, Учебник грабара, Ереван, 1964, стр. 116 и др. (на арм.).

‘я делаю’) из и.-евр. *-sk-*^{24а}. Тот факт, что *-sk-* выступает как формант аориста при *-s-* в аористе других индоевропейских языков, вероятно, должен быть принят во внимание в связи с соотношением балтийского *-st-* и *-s-* в ряде других родственных языков. Впрочем, учитывая проникновение *-sk-* в систему претерита в тохарском (и, как предполагают некоторые вслед за Карстином в славянском: *-axъ* < *-ā-ske-), можно думать, что противопоставление основной глагол: глагол с показателем *-sk-* было известно так называемым „понтийским“ языкам (анатолийские, тохарские, армянский, славянский)^{24б}.

Однако в связи с балтийской проблематикой важнее все-таки примеры, в которых представлена последовательность *-n- + -s-*. Среди них заслуживает внимания соотношение гомеровского *χυνέω* : *ἔχιστα*, позволяющее думать о реконструкции **χυ-νε-σ-μι*²⁵, а также ведийские формы типа *gr-niṣ-e* (от *gir-*) или *ri-niṣ-e* (от *rū-*)²⁶, у которых показатель *-niṣ-* связывается с медиальной флексией; или венетские типа *zonasto*, где *-nas-* четко вычленяется благодаря параллельной форме *zoto*. Ср. *texo zona.s.to re.i.tiia.i.ner ka lemeto.r.na* „Нерка, дочь Леметора, посвятила меня Рейтие“ (PID 26. Este) или *texo zona.s.to sahnate.i re.i. tiia.i porah* „Пора посвятила меня Рейтие Санатис“ (PID 31. Este), но: *vhremah.s.tna zoto re.i.tiia. i* „Фремастна посвятила (меня) Рейтие“ (PID 19. Este); ср. лид. *↑ens* при *↑es-* ‘посвящать’, ‘класть’ (а также ликийск. *tas- : ta-* или хеттск. *zikk- [t-sk-]* от *tehhi* ‘класть’, ‘ставить’)²⁷, не говоря о ряде других случаев²⁸.

После рассмотрения этих материалов уместно напомнить бесспорный вывод о связи хеттских глаголов на *-s-* (как и некоторых других сигматических форм) со спряжением на *-hi* и, следовательно, со 2-й серией индоевропейских глагольных форм²⁹. Отсюда – медиальные значения соответствий хеттским формам в других индоевропейских языках, объясняющие связь

^{24а} См. R. Godel, *Les aoristes arméniens en -č-*, – „*Studia classica et orientalia Antonio Pagliaro oblata*“, II, Roma, 1969, стр. 253–258.

^{24б} См. B. Rosenkranz, *Zur Entstehungsgeschichte der indogermanischen Verbalflexion*, – „*Arbeitspapier*“, N 16. Institut für Sprachwissenschaft – Universität, Köln, 1971, стр. 5–7. Розенкранц тут же отмечает наличие в указанных языках образований именного происхождения на *-l-*, введенных в систему глагола, и отсутствие перфекта индоевропейского типа.

²⁵ Ср. аналогично: *dvigneši* – *dvigoxъ* – *dvignoxъ* (ср. КОСНЖХЪ).

²⁶ См. об этих формах Т. Я. Елизаренкова, Аорист в Ригведе, М., 1960, стр. 29. Следует также напомнить, что в древнеиндийском, помимо трех презентных классов с носовым элементом, существовали многочисленные глагольные образования на *-s-*: сигматический аорист разных видов (в частности, на *-sa-* и даже на *-siṣ-*; последний тип – результат неправильного анализа существовавших сигматических форм и аналогических выравниваний), будущее время, прекатив, дезидератив и даже презентные основы, см. F. B. J. Kuiper, *Zur Geschichte der indoiranischen s- Präsentia*, – „*Acta Orientalia*“, 12, 1934.

²⁷ Ср. также фриг. ε-δαες ‘поставил’.

²⁸ Ср., например, авест. *činas* ‘er wird zuweisen’ (из предполагаемого **ki-na-s-t?*).

²⁹ См. В. В. Иванов, Указ. соч., стр. 173–174; ср. его же, Отражение двух серий..., стр. 257 и др.

-s- с медиопассивом в тохарском, медиальным залогом в ведийском³⁰ и — в данном случае это заключение является основным — с интранзитивно-индоативными глагольными образованиями на -st(a) в балтийских языках. Правдоподобно, что литовский претерит непереходных глаголов на -o (из *-ā)³¹ также соотносим именно со 2-й серией indoевропейского спряжения.

По нашему мнению, балтийское -st- как формант презентных основ может быть сопоставлен — в силу всего сказанного выше — с флексией -st-, выступающей в ряде индоевропейских языков. Прежде всего речь идет о флексии 2-го и 3-го лица претерита в спряжении на -hi (при отсутствии этой флексии в претерите глаголов на -mi), ср. *dāišta*, от *dāi-* ‘ставить’, ‘класть’ (1-е лицо ед.ч. презенса *-teħħi*) при 2-м лице мн.ч. императива *dāišten*; *temišta*, от *tema-* ‘говорить’ (1-е лицо ед.ч. презенса — *temahħi*) при 2-м лице мн.ч. императива *temišten*; *eš(s)ešta*, от *ešša-* ‘совершать’ (1-е лицо ед.ч. презенса — *eššahħi*); *aušta*, от *au(i)s-* ‘видеть’, ‘смотреть’ (1-е лицо ед.ч. презенса *-uhħi*) при 2-м лице мн.ч. императива *aušten* и 2-м лице мн.ч. презенса *aušteni*, *ušteni* (и *autteni*)³², что непосредственно сопоставимо с лит. *aūšta* (: *aūšo*, *aūšti*) и лтш. *àust* (: *àussa*, *àust*)³³. Эти же флексии появляются в ряде смешанных по своему характеру парадигм, в которых объединяются особенности спряжений на -mi и на -hi; ср. *dalešta*, от *dala-*, *dalija-* ‘оставлять’ (1-е лицо ед.ч. презенса *dalahħi* и *daliżami*) при 2-м лице мн.ч. презенса *dalešteni* и т.п. Еще более интересно, что наряду с флексией -šta во 2-м и 3-м лице ед.ч. претерита, существуют и более распространенные флексии, представляющие собой как бы составные части указанной флексии, а именно -š и -ta, ср.: *dāš* (2-е и 3-е лицо ед.ч. претерита от *dā-* ‘брать’), *dāiš* (3-е лицо ед.ч. претерита от *dāi-* ‘ставить’, ‘класть’, при *dāišta* и даже *dāitta* во 2-м лице), *pāiš* (3-е лицо ед.ч. претерита от *pāi-* ‘давать’ при *pešta* в той же форме и *pāišta* и даже *pāitta* во 2-м лице), *nāiš* (3-е лицо ед.ч. претерита от *nāi-* ‘направлять’, ‘посылать’, при *nāešta* в той же форме), *zāiš* (от *zāi-* ‘переходить’), *halzāiš* (от *halzāi-* ‘звать’), *tarnaš* (2-е и 3-е лицо ед.ч. претерита от *tarna-* ‘отставить’,

³⁰ Причем речь идет не только о формах типа *rūniše* или *grūniše*, но и о недавно отмеченном факте решительного преобладания в индикативе медиальных форм аориста на -s- (аорист 4). Исследователь ведийского аориста склонен связывать эту тенденцию с тем, что именно среди вторичных медиальных окончаний преобладают окончания, начинающиеся с гласной. Характерно, что и среди тех форм, где -s- стоит перед согласной, большинство являются медиальными. Отсюда — правдоподобный вывод о том, что этот элемент -s- вообще стал ассоциироваться с медиальной парадигмой. См. Т. Я. Елизаренкова, Указ. соч., стр. 78.

³¹ В латышском литературном языке, как и в большинстве диалектов, был обобщен претерит на -ā, хотя в среднелатышских текстах XVI—XVII вв. и в части современных говоров (юго-западная часть Курляндии, большая часть верхнелатышских говоров) известен претерит и на -ē. См. J. Endzelīns, Latviešu valodas gramatika, стр. 863 и след.; M. Ruzdīte, Op. cit, стр. 367 и след. Прусские данные (претерит на -ā и -ē) слишком малочисленны, чтобы надеяться на их достоверное истолкование.

³² Об индоевропейских параллелях см. В. В. Иванов, Общеноевропейская..., стр. 153 и след.

³³ Ср. еще J. Endzelīns, — FBR 17, 1937, стр. 164; его же, — ZfslPh, Bd. 16, 1938, стр. 107 и след. и др.

'поставить', 'пустить' при *tarništa* в 3-м лице – дублетная форма), *šarraš* (3-е лицо ед. ч. претерита от *šarra*- 'разделить', 'разломать', при *šarratta* во 2-м лице), *uaštaš* (2-е и 3-е лицо ед. ч. претерита от *uašta*- 'грешить'), *memaš* (3-е лицо ед.ч. претерита, при *memišta* во 2-м и изредка в 3-м лице), *dališ* (3-е лицо ед.ч. претерита) – в том, что касается флексии -š и : *šakta* (2-е и 3-е лицо ед.ч. претерита от *šak*- 'знать'), *datta* (2-е лицо ед.ч. претерита, при *dāš* в 3-м, а иногда во 2-м лице), *dāitta* (2-е лицо ед. ч. претерита, при *dāiš* в 3-м лице и иногда *dāišta* во 2-м лице), *daliyat* (3-е лицо ед. ч. претерита при конкурирующих формах *dališ* и *dalešta*), *hašta* (3-е лицо ед.ч. претерита от *haš* 'порождать') и т.д., – в том, что касается окончания -ta. Интересно, что эти -š и -ta могут соотноситься с флексиями соответствующих форм спряжения на -mi,ср. *hatrāeš* и *hatrāit* (есть и *hatrāiš*), от *hatrāi*- 'писать'; *daškeš* и *daškit*, от *dašk-* 'повторно говорить'; *harši* (чаще *harti*) и *harzi*, от *har(k)-* 'держать', 'иметь' и под. Ср., впрочем, и унифицированные флексии 2-го и 3-го лица ед. ч. претерита в спряжении на -mi – -t (-ta): *epta* от *ep-* 'хватать'; *kuenta* от *kuen-* 'бить', 'убивать'; *punušta* от *punuš-* 'спрашивать'; *učatet* от *učate-* 'приносить'; *ičat* от *iča*- 'делать' и т.п. Следовательно, формы 2-го и 3-го лица ед. ч. претерита самым наглядным образом демонстрируют, как возникла флексия -šta в хеттском, насколько легко и четко вычленялись ее составные части и даже в каком направлении осуществлялась экспансия этой флексии (ср. императивные формы)³⁴. Все это небезразлично для истории формирования балтийского -st(a).

Тохарские факты, относящиеся к имперфекту, претериту, конъюнктиву и оптативу претерита многим напоминают хеттские. Ср. лишь несколько примеров: тох. A – *wotkāšt* (2-е лицо ед. ч. претерита от *wätk-* 'приказывать', при 3-м лице *woták*); *kaklāšt* (та же форма, как и далее, от *käl-* 'переносить', 'терпеть', при *kakäl*, 3-е лицо); тох. B – *yamassit* (2-е лицо ед. ч. имперфекта

³⁴ Задача хеттолога определить первоначальную картину и этапы распространения флексий -š, -ta и -šta во 2-м и 3-м лице ед. ч. претерита. Сказать по этому поводу что-либо определенное пока трудно, так как в сохранившихся текстах отражены два противоположных варианта: единая форма в 3-м лице (*dāš*, *dāiš*) при конкурирующих формах во 2-м лице (*dāš* и *datta*, *dāišta* и *dāitta*) и единственная форма во 2-м лице (*tarnaš*, *memišta*) при конкурирующих формах в 3-м лице (*tarnaš* и *tarništa*, *memaš* и *memišta*). Естественное предположение о том, что некогда существовало распределение типа: 2 ед. ч. претер. -š, 3 ед. ч. претер. -ta (как, видимо, в иероглифическом хеттском: -sa/-s и -ta; лувийском: -s (?) и -ta; может быть, в палайском: -si и -ti/-i и ликийском, где, однако, не засвидетельствованы формы 2-го лица ед.ч. претерита), откуда далее общая для 2-го и 3-го лица флексия -šta, – конечно, нуждается в чисто хеттологических аргументах. Более определенно, кажется, можно сказать о постепенной экспансии флексии -šta как более представительной (между прочим, в силу объединения в ней частных личных показателей). Кстатч, нечто подобное наблюдалось в истории флексии простых прошедших (сигматических) времен в славянских языках, особенно в период распадения системы этих времен (ср. ориентацию на наиболее характерную форму). О флексиях 2-го и 3-го лица ед. ч. претерита см. И. Фридрих, Указ. соч., стр. 106 и след.; Н. Kronasser, Vergleichende Laut- und Formenlehre des Hethitischen, Heidelberg, 1956, стр. 190–193; C. Watkins, Indo-European Origins of the Celtic Verb, I, The Sigmatic Aorist, Dublin, 1962, стр. 90 и след., 97 и след.; ср. его же, Indogermanische Grammatik, Bd. III и др. Ю. Курилович рассматривает хеттск. -š во 2-м (и 3-м) лице ед. ч. претерита как результат позднего, чисто хеттского развития (то же относится и к -š в др.-перс. *akunaus*⁴ он сделал' и под.), см. J. Kuryłowicz, Op. cit., стр. 156 и след.

от *yāt-* 'сделать', при *yaməšši*, 3-е лицо); *sälästa* (2-е лицо ед. ч. претерита от *käl-* 'приносить', при *sala-*, 3-е лицо); *yamīt* (2-е лицо ед. ч. оптатива от *yāt-*, при *yamī*, 3-е лицо)³⁵ и т.п.

Флексии такого типа могли так или иначе отражаться и в других языках (ср. венетск. *zonasto* или *vhaxsdo*, лат. *-istī* и т.п.). Их дальнейший перечень в данной связи становится необязательным. Зато исключительно важным и имеющим отношение к возможной истории балтийского глагольного форманта *-st(a)* следует признать следующие факты двух родов.

Во-первых, речь идет о засвидетельствованной памятниками письменности экспансии *-s-* в формах древнеиндийского прекатива (оптатива аориста)³⁶. Ср. соответствующие фрагменты прекативных форм в ведийском (в активе):

1 л. ед. ч. <i>bhūyāt</i>	1 л. дв. ч. <i>bhūyāva</i>	1 л. мн. ч. <i>bhūyāta</i>
2 л. ед. ч. <i>bhūyās</i>	2 л. дв. ч. <i>bhūyātam</i>	2 л. мн. ч. <i>bhūyāta</i>
3 л. ед. ч. <i>bhūyāt</i>	3 л. дв. ч. <i>bhūyātām</i>	3 л. мн. ч. <i>bhūyātār</i>

и в более позднем классическом санскрите (в активе):

1 л. ед. ч. <i>bhūyāsam</i>	1 л. дв. ч. <i>bhūyāsva</i>	1 л. мн. ч. <i>bhūyāsma</i>
2 л. ед. ч. <i>bhūyās</i>	2 л. дв. ч. <i>bhūyāstam</i>	2 л. мн. ч. <i>bhūyāsta</i>
3 л. ед. ч. <i>bhūyāt</i>	3 л. дв. ч. <i>bhūyāstām</i>	3 л. мн. ч. <i>bhūyāstār</i>

Как видно из сопоставления этих парадигм, именно сигматические формы 2-го и 3-го лица ед. ч. послужили отправной точкой для распространения этого *-s-* уже в качестве составной части прекативного показателя в форму 1-го лица ед.ч., а затем и в формы других чисел. Нет ничего невероятного в том, что нечто аналогичное могло иметь место и в развитии этого форманта в балтийских языках³⁷.

Во-вторых, для предполагаемого процесса переразложения, связанного с изменением первоначального (или, точнее, более раннего) локуса *-st-* в балтийском весьма существен учет таких форм, в которых *-st-* не может уже рассматриваться, строго говоря, как только флексия, но еще не получило статуса показателя глагольного класса внутри одного и того же времени (например, презенса), а сохраняет промежуточное положение. Ср. др.-греч. *λέχτο*, для которого весьма правдоподобно реконструируют более древнюю форму **λέχ-сто* при вторичном *λέξατο*, вед. *a-maṇ-sta* (=авест. *maṇ-sta*) и т.п.³⁸.

³⁵ Ср. соответственно в тохарском А: **kälñāśiṣt* — **kälñāśiṣ* и под.

³⁶ См. T. Burrow, The Sanskrit Precative, — „Asiatica. Festschrift Friedrich Weller“, Leipzig, 1954, стр. 35—42.

³⁷ Ср., например, следующую гипотетическую схему:

I: 1 л. ед. ч. <i>-ō</i> →	II: 1 л. ед. ч. <i>-ō</i> →	III: 1 л. ед. ч. <i>-ō</i> →	IV: 1 л. ед. ч. <i>-stu</i>
2. л. ед. ч. <i>-s</i>	2 л. ед. ч. <i>-s</i>	2 л. ед. ч. <i>-st(i)</i>	2 л. ед. ч. <i>-sti</i>
3 л. ед. ч. <i>-(t)</i>	3 л. ед. ч. <i>-st(-s, -t)</i>	3 л. ед. ч. <i>-st(a)</i>	3 л. ед. ч. <i>-sta</i>

Если эта схема имеет (в самых общих чертах) шансы на правдоподобие, то ключевым становится вопрос о перераспределении, приведшем к созданию презентного показателя из материала флексии.

³⁸ Ср. H. Kronasser, Op. cit., стр. 193.

При предположении о том, что именно 2-е и 3-е лицо ед.ч. были теми формами, где могло начаться переразложение, результатом которого была трансформация *-st-* в показатель презентной основы³⁹, важно вспомнить о многочисленных случаях неразличения флексий во 2-м и 3-м лице ед. числа в разных индоевропейских языках, о чем отчасти говорилось выше и неоднократно писалось, в частности, в недавние годы⁴⁰. Вместе с тем нужно помнить и о случаях мены флексии во 2-м и 3-м лице по сравнению с более обычной картиной (ср. *-s* в 3-м лице, вед. *dhās* и под.⁴¹ или *-t* во 2-м лице, хеттск. *datta* и т.д.)^{41a}. Разумеется, что эти условия способствовали как началу самого процесса переразложения, так и тому, что именно эти формы индуцировали распространение *-st-* в парадигме спряжения в балтийских языках. Характерно, что и в славянских языках близкие типы, в частности, сигматический аорист и имперфект не различают флексий во 2-м и 3-м лице и, может быть, для части случаев (по меньшей мере) никогда их не различали (о чем см. в других работах автора)⁴². Вообще следует признать, что многочисленные реконструкции флексий 2-го и 3-го лица с *-s-*, присоединяемым к исходному согласному корню, типа... (*t*)*-s-s-* (ср. хеттск. *dāiš* < **deik's-s*) или (*t*)*s-t*, имевшие некогда эвристическую и методологическую ценность, сейчас все более и более препятствуют выявлению более древней и специфической картины, перекрытой позже аналогическими тенденциями. Вообще, как это ни парадоксально, при обсуждении вопроса о происхождении *-st-* исследователь не должен связывать себя жесткими рамками. Ответ может лежать в других частях слова (например, во флексии, а не в основообразующем звене) и в других блоках парадигмы (например, в аористе, а не в настоящем времени). Характерный пример – спряжение атематического глагола *dati* в настоящем времени и аористе в старославянском и *dúoti* в литовском⁴³.

³⁹ Строго говоря, той основы, которая позже характеризовала презенс. Возможно, точнее было бы говорить об инъюнктивных основах, которые в балтийских языках перешли в систему презенса, в других – в систему аориста (сигматического), а в третьих – и в систему презенса, и в систему аориста.

⁴⁰ См. T. Buttrow, An Archaic Verbal Termination in Early Indo-Iranian, – „Indo-Iranian Journal“, vol. 1, 1957, стр. 61–76; A. S. C. Ross and R. A. Crossland, Supposed Use of the 2nd Sg. for the 3rd Sg. in „Tocharian A“, Anglo-Saxon, Norse and Hittite, – „Archivum Linguisticum“, vol. 6, 1954, стр. 112–121; ср. также – KZ, Bd. 69, 1951, стр. 150–164.

⁴¹ Об этих формах ср. J. N. Narten, Die sigmatischen Aoriste im Veda, Heidelberg, 1964, стр. 18 и след.; C. Watkins, Indogermanische Grammatik, Bd. III, стр. 53 и след.

^{41a} В последнее время Розенкранц указал на факт соответствия хеттским флексиям претерита эламских личных флексий (ср. 1 л. ед. ч. -*š*, 2 л. -*t*, 3 л. -*ḫ* и т.д.). Возможно, что в этой связи многое может быть прояснено при обращении к другим „ностратическим“ языкам, в спряжении которых есть явные переклички с указанными флексиями.

⁴² Несколько иначе обстоит, видимо, дело с примерами неразличения глагольных окончаний в прусском.

⁴³ О спряжении *duōt* в латышском см. J. Endzelīns, Latviešu valodas gramatika, стр. 723–725; M. Rudzīte, Op. cit, стр. 359 и др.; ср. прусск. *dāst* и т. п.

Настоящее время		Аорист	Настоящее время
Ед. ч.	1 л. <i>dāmь</i>	<i>daxъ</i>	<i>duomi</i>
	2 л. <i>dasi</i>	<i>dastъ, da</i>	<i>duosi⁴⁴</i>
	3 л. <i>dastъ</i>	<i>dastъ, da</i>	<i>duostи, duost</i>
Дв. ч.	1 л. (<i>davę</i>)	<i>daxově</i>	<i>duova</i>
	2 л. <i>dasta</i>	<i>dasta</i>	<i>duosta</i>
	3 л. <i>daste, dasta</i>	<i>daste, dasta</i>	<i>duostи, duost</i>
Мн. ч.	1 л. <i>damъ</i>	<i>daxomъ</i>	<i>duome</i>
	2 л. <i>daste</i>	<i>daste</i>	<i>duoste</i>
	3 л. <i>dadetъ</i>	<i>dašę</i>	<i>duostи, duost</i>

В этом сопоставлении заслуживают внимания прежде всего (если исходить из поставленной в этой статье задачи) две особенности: во-первых, так сказать, омонимичность *-st-* (ср. *-stъ* как окончание в 3 л. ед.ч., *dastъ – da* и *-sta* во 2-ом лице дв. ч. как результат перекодировки... *d-ta*, ср. *ideta* или *sūkata*, в *-sta* и под.); во-вторых, кросс-темпоральность этого *-st-* (ср. *dasta*, 2-е и 3-е лицо презенса и аориста), дающая основание – наряду со многими другими – для реконструкции состояния до выделения системы времен из континуума иньюнктивных форм, что, видимо, особенно реально для балтийского глагола. Наконец, существенно заметить, что в приведенных парадигмах *-st-* сосредоточивается в формах именно 2-го и 3-го лица.

Последнее, о чем следует сказать, обсуждая вопрос о вовлечении *-st-* в систему показателей презенса в балтийском, – это указание различий в условиях появления *-st-* там, где оно выступает как флексия (хеттский или тохарский), и там, где оно является основообразующим формантом (балтийские языки). В первом случае этому *-st-* всегда предшествует гласная (ср. *tar-ništa, paħhašta, dāišta; sälästa, wotkašt; dastъ* и под.), во втором – всегда согласная (ср. *alpsta, dýksta* и под.). Это различие в условиях должно было решающим образом сказаться на дальнейшей судьбе *-st-* в балтийском: оно не могло оставаться флексией, поскольку в этом случае конечная согласная корня и *-st-* образовывали бы трехконсонантные цепочки, завершающие слово: ... *p-st*, ... *k-st*, ... *t-st* и т.п. Структуры же типа ...*a-st* и под. практически отсутствовали (исключая отдельные примеры из атематического спряжения, где к тому же четко ощущалась связь *-s-* с *-d-*, ср. *kliest*, 3-е лицо ед.ч. от *kliedēti; nusēst* от *nusēdēti, giest* от *giedoti* и под.).

Разумеется, вопрос о *-st-* как показателе презентных основ неотделим от вопроса о производном спряжении глаголов на *-styti* (*barstyti : beřti, dùrsstyti : dùrti, dágstyti : diegti* и под.)⁴⁵, ср. типологически сходное использование *-s-* для образования презенса или аориста, с одной стороны, и производного спряжения (дезидератив), с другой стороны, в древнеиндийском. Характерно, что в производном спряжении *-st-* может присоединяться и к гласной в исходе корня (*klóstyti : klótí, kráustyti : kráuti, káustyti : káuti* и т.п.), что противопоставляет этот круг форм презентным основам с тем же элементом⁴⁶ и тем самым дает дополнительные основания для определения перво-

⁴⁴ Ср. в „Постилле“ Даукши: *duosi, duostи, duost*, – формы, представляющие особый интерес в связи со славянскими параллелями.

⁴⁵ См. P. Skardžius, Op. cit., стр. 537–539; J. Otrębski, Op. cit., t. 2, стр. 388–390 и т. д.

⁴⁶ Ср. также обычную переходность (или возвратность) глаголов на *-styti*.

начальных условий дифференциации этих двух типов⁴⁷. Нужно полагать, что и глаголы на *-sotī*, выражающие идею длительности⁴⁸, также разделяют ряд общих черт как с уже названными типами, так и с другими содержащими формант *-s-*, но здесь не рассматриваются. Учитывая все эти образования и помня о нередких в истории балтийского глагола процессах изменения грамматического и семантического статуса одного и того же звукового элемента или их комплекса⁴⁹, — можно надеяться на постепенное решение всего круга проблем, связанных с происхождением глагольных форм с элементом *-s-*, в частности, *-st-*. Детали общей картины предсказать трудно, но все то, что пока известно из области относительной хронологии эволюции балтийского глагола, кажется, склоняет к предположению, что формирование ряда *s*-овых форм глагола и прежде всего основ с элементом *-st-* происходило в существенно иных условиях, чем сходные явления в большинстве других индоевропейских языков, а именно при наличии типологически более ранней ситуации. Какова была эта ситуация, т. е. каким набором грамматических категорий и отдельных граммем она определялась, — сказать пока трудно. Более того, в настоящее время эта неясность составляет основное препятствие для интерпретации значений, некогда связанных с *-st-*. Сопоставляя балтийские глаголы на *-st(a)* с медиальной формой 3-го лица ед. ч. сигматического аориста, К. Ф. Йоханссон был прав лишь в том отношении, что в принципе и в конечном счете эти два форманта сопоставимы. И тем не менее из этого заключения никак не следует, что возникновение балт. *-st(a)* предполагает наличие в системе аориста (сигматического) или среднего залога типа древнегреческого или древнеиндийского (или каких-либо других конкретных форм, объясняющих это *-t-*: причастия на *-to-*, глагольные флексии на *-tha*, основа указательного местоимения **-to-*, тип основ на *-to* вроде лат. *plecto* : *explicāre*, др.-греч. πέκτο : πέκω, хеттск. *mant-* : др.-греч. μένω и под.).

⁴⁷ Весьма показательно формальное тождество таких генетически родственных слов, как лит. *mästo* 'он думает', 'он размышляет' (из **man-stā*,ср. *mqstyti* : *manýti*,ср. P. Skardžius, Op. cit., стр. 538), вед. *a-mam̄-sta* (ср. *a-mam̄-sata*) 'он думал', авест. *mqsta* 'он думал' (**man-stā*), при том, что *-sta* в индоиранистических примерах не может быть связано с лит. *-sta* по значению.

⁴⁸ Ср. итеративные глаголы на *-sa* в иероглифическом хеттском: *pipas(a)*- 'давать' от *pi(a)- / pa-* 'дать', *aias(a)*- 'обращаться с чем-либо' от *aia-* 'делать' (ср. *-s(a)-* в лувийском) и т.д. при отсутствии — в отличие от хеттского — суффикса *-sk-*. Весьма интересны в этой связи хотан-сакские глаголы с суффиксом *-s-* (возведимым к общеиранскому *-sa-*, как полагают, из **-ske-/*-sko**), обладающие интранзитивно-индоативным значением (как и балтийские глаголы на *-sta*), ср. *stās-* 'оставаться': *sta-* 'стоять', *pars-* 'освобождаться': *parrij-* 'спасать' и т.п.; сходный тип отмечен и в шугнанском. Из других фактов хотан-сакского языка ср. основы *-sta* типа *śūh- : śūsta* 'оснащать', *rūj- : rūjṣta* 'слышать' и под., причем *s* связано с соответствующей согласной в исходе корня (ср. также *bai- : basta* 'связывать', из **bad-* и, кроме того, причастия прошедшего времени на *-sta*). Ср. Л. Г. Герценберг, Хотан-сакский язык, М., 1965.

⁴⁹ Разумеется, то же можно сказать и о ряде других языков. См. о возникновении *-s-* во флексии 3-го лица ед. ч. и в аористе: C. Watkins, Indo-European Origins of Celtic Verb, стр. 90 и след., ср. его же, Indogermanische Grammatik, Bd. III, стр. 53 и след.